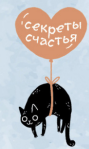
Наталья Третьякова



Смешинки и грустинки

Согревающие истории
о счастье, любви
и немного **волшебном коте**

Наталья Третьякова

Смешинки и грустинки. Согревающие истории о счастье, любви и немного волшебном коте

Серия «Секреты счастья (АСТ)»

https://litres.ru/68896041
Смешинки и грустинки. Согревающие истории о счастье, любви и немного волшебном коте: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-154069-2

Аннотация

Проблемы, проблемы, проблемы… А так хочется, чтобы кто-то понимающий просто взял за руку и сказал: «Давай вместе погрустим или посмеемся?» «Смешинки и грустинки» как разговор с близкой подругой. Вот вы сидите на кухне пьете чай, или что-нибудь покрепче, и рассказываете друг другу истории. О любви, живущей даже после смерти, о неожиданных встречах, о курьезных случаях (ох, даже вспоминать неловко). О серьезных ошибках, о которых до сих пор жалеете, или решили не жалеть, и даже о коте, оказавшемся немного волшебным… За такими разговорами можно и погоревать, и похохотать

от души. И в итоге ощутить, как сердце исцеляется, морщинка между бровей разглаживается, плечи расслабляются, и вы чувствуете покой и тихую радость.</p>

Содержание

Вступление 6
Часть первая 8
Дружочек Лев 9
Мао 16
Мусорный дозор 24
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Наталья Третьякова Смешинки и грустинки. Согревающие истории о счастье, любви и немного волшебном коте

© Третьякова Н., 2023
© Унагаева К., фотография на обложке, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Вступление

Четыре года назад, будучи в декретном отпуске, я опубликовала в одной из соцсетей первый рассказ и тогда даже предположить не могла, чем это закончится.

В то время мой аккаунт насчитывал сотню верных подписчиков, которым нравились мои забавные фото с дочерью и коротенькие подписи к ним.

До декрета я трудилась в оптовой компании в должности финансового директора, буквам предпочитала цифры, а апогеем стремления к творчеству были стихи на дни рождения коллег. Дочь вмиг перевернула мою жизнь. И одним из ярких и удивительных изменений было непреодолимое желание складывать буквы в слова. Любая житейская ситуация заставляла меня задуматься о том, как ее можно было бы интересно пересказать.

У первых рассказов была непростая творческая судьба: они рождались в ночи, шлифовались под бульканье борща и бились в творческих судорогах под: «Где у кисы глазки?»

Соцсеть стала для меня окном в мир, потому что моя реальность сузилась до размеров квартиры и детской площадки. А публикуемые там рассказы – способом общения с этим миром. Самым удивительным для меня стало то, что они находили отклик у читателей. Они разлетались по интернету, люди находили меня в соцсетях, подписывались, чтобы чи-

тать.

За пару лет моя аудитория выросла от ста читателей до ста пятидесяти тысяч.

Однажды на мои рассказы в интернете натолкнулся редактор издательства АСТ и предложил собрать их в книгу.

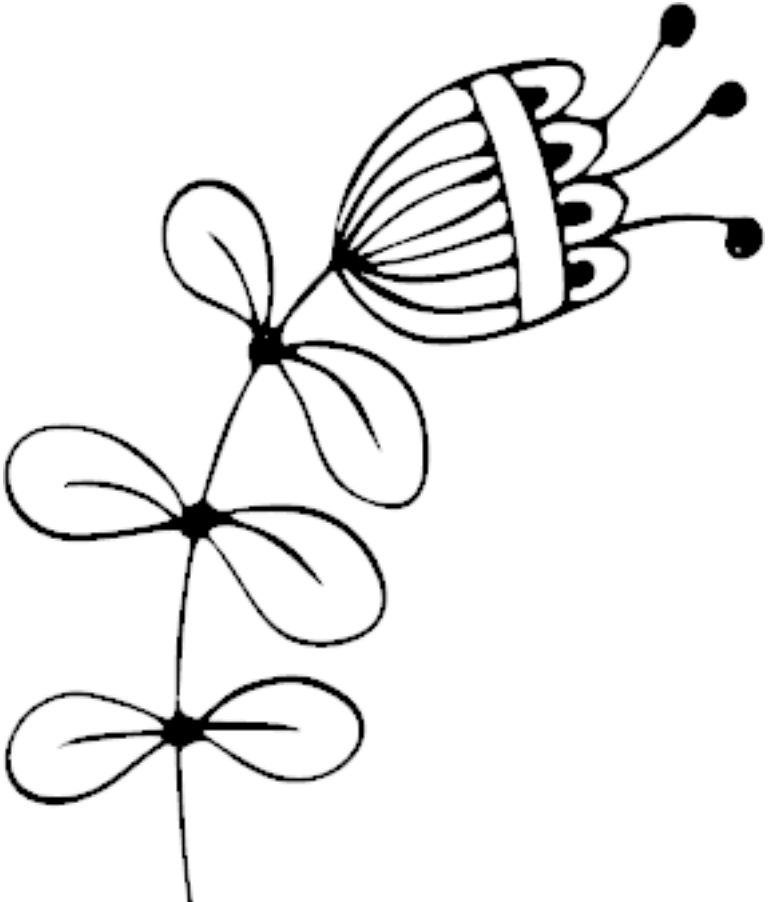
– Кто я такая, чтобы писать книги, – подумала я и решила отказаться.

Спасибо мужу и читателям, убедившим меня взяться за книгу.

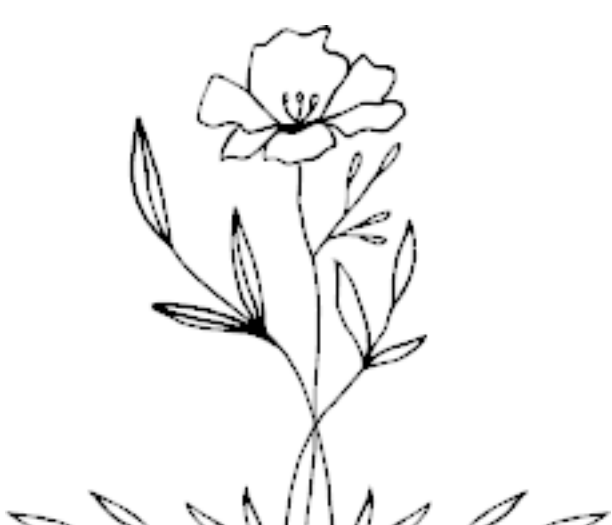
Но самым решающим аргументом была записка из новогоднего печенья с пожеланиям: «Если ты хочешь что-то начать, то знай: лучшего момента, чем сейчас, не будет».

Каждый мой рассказ вдохновлен людьми или событиями, вызвавшими у меня эмоции – удивление, смех, грусть и даже слезы. Они о том, что жизнь продолжается несмотря ни на что, и лучшего времени, чем сейчас, не будет.

Часть первая
О том о сем



Дружочек Лев



Анна Владимировна устало присела на скамейку, вытянув больную ногу и пристроив палочку так, чтобы она не упала. Пакет с продуктами оказался неожиданно тяжелым, придется идти с передышками, хотя и недалеко до дома. Два года назад, как только восемьдесят исполнилось, Анна Владимировна сломала ногу, и пришлось месяц пролежать почти в неподвижности. После этого здоровье резко ухудшилось:

стала быстро уставать, появилась одышка, еще и кость срослась как-то там неправильно, нога при ходьбе болела.

Дочь ругала Анну Владимировну за то, что себя не бережет.

– Мам, ну мы же тебе все привозим, что ты ходишь по этим магазинам, сумки таскаешь. Не дай бог что случится или заразу в очереди подхватишь!

– Наденька, да скучно же дома сидеть. А в магазине на людей посмотрю, да и доктор сказал, что ходить все равно надо.

К лавочке приближался седой дедок, тоже с палочкой. Остановился и, галантно сняв кепку, спросил:

– Можно ли присесть рядом, сударыня?

– Пожалуйста, – придвинув поближе пакет, ответила Анна Владимировна.

Дедок кряхтя опустился на скамейку и выдохнул приглашающую к беседе фразу:

– Весна-то какая в этом году! Мои уже и картошку посадили.

– Не рано ли? – поддержала беседу женщина.

– Да тоже им говорю, подождали бы недельку. Вот, помню, посадили мы так рано, еще дача у нас на левом берегу была…

Неспешно потекла беседа двух незнакомых людей, а со стороны казалось, будто они дружная пара. Две палочки стояли рядом, две пары глаз щурились на солнце, две улыбки

не сходили с лиц.

Дедушку звали Львом Васильевичем, ему было восемьдесят, и был он уже десять лет как вдовец.

Старики обменялись телефонами и начали иногда встречаться. Не так, конечно, как молодые, а то в аптеку вместе сходить, то в магазин. Лев Васильевич на каждую встречу приходил с каким-нибудь сюрпризом: то пучок черемши подарит, то рыбку вяленую («сын поймал, насушил»), то сбор трав лечебный.

Анна Владимировна от такой заботы аж светилась, хотелось кружиться и бежать вприпрыжку. Если б не больная нога, может, и закружилась бы.

Летом стали вместе ездить к ней на дачу. В прошлом году, кроме картошки, там толком ничего не сажали, так как после перелома у пожилой женщины не было сил бороться за урожай, а детям это было не нужно. В нынешнем году вместе с Львом Васильевичем посадили клубнику и кое-какие овощи.

А осенью вместе собрали урожай и зажили дружно у Анны Владимировны. Несколько раз в неделю Лев ночевал у себя дома, так как у него было много цветов, требующих ухода, а перевозить их оказалось не с руки: такие огромные вымахали, в машину к детям не влезут, не грузовик же для них нанимать. Да и привык он к своей квартире, пятьдесят лет в ней прожил. Тянуло.

Дочь Анны Владимировны сначала настороженно воспри-

няла новость, что старики съехались. Время такое, кругом мошенники, дед этот ниоткуда взялся.

А потом даже обрадовалась: мать расцвела, про больную ногу почти не вспоминала, вечно хлопотала на кухне, чтоб своего Льва вкусненьким порадовать.

Дети пожилой четы познакомились между собой, иногда созванивались, кто каких продуктов привезет старикам, встречались на общих праздниках, оставляли внуков.

Так прошло четыре счастливых года, а на пятый у Льва Васильевича случился инсульт.

Анна Владимировна выхаживала его изо всех сил, боясь потерять только обретенное семейное счастье.

Постепенно он почти восстановился, только речь осталась слегка невнятной, плохо слушалась правая рука и усилилась хромота. Но по-прежнему они гуляли каждый день, хоть и шли очень медленно, сидели на лавочках, кормили голубей. Несколько дней в неделю дедушка так же проводил в своей квартире, поливал цветы, заходил в гости к старому товарищу из соседнего подъезда. Анна Владимировна привыкла к такому ритму, зато успевала соскучиться по своему Льву, как будто он на месяц уезжал.

Как-то раз Анна Владимировна разоткровенничалась с дочерью:

– Ох, Надя, такого дружочка душевного мне бог на старости лет подарил, а я вместо того, чтоб радоваться, переживаю, что он помрет раньше меня.

– Мам, да не думай ты об этом. Смотри, он так после инсульта восстановился, как у молодых не получается. Еще до ста лет доживет твой Лев.

Наступил апрель, на удивление снежный и холодный. Анна Владимировна пила чай, только что проводив Льва Васильевича «в командировку» поливать цветы, и почему-то вспомнилась ей та весна, когда они познакомились. Теплая, ранняя, в это время дети Льва уже картошку посадили.

Внезапно почувствовав головокружение, решила прилечь.

Дойдя до дивана, поняла, что задыхается.

– Сейчас полежу, и все пройдет, – успокаивала себя, но становилось только хуже, дышалось труднее.

Дотянувшись до табуретки, на которой лежал старенький сотовый телефон, позвонила дочери.

– Надя, мне плохо, дышать не могу. Вызови мне скорую. Только Льву не звони, не надо его волновать.

Надя жила недалеко, в десяти минутах езды на машине. Одеваясь, вызвала скорую и помчалась к матери. Если та согласилась на помощь врачей, которых не любила, как и больницы, значит, дело и вправду плохо. Даже когда ногу сломала, надеялась, что просто ушиб, и полдня терпела боль, пока не раздулся отек.

Залетев в квартиру и скинув на ходу кроссовки, бросилась к матери, поразившись бледности ее лица и тяжелому дыханию.

В этот момент позвонил домофон – скорая приехала. Надя оставила дверь в квартиру открытой и вернулась.

– Скорую вызывали? – послышалось в прихожей.

– Проходите, – выглянула в коридор Надя. – Вот, маме плохо. Задыхается.

И тут поняла, что шумного маминого дыхания не слышно. В квартире повисла тишина, которую нарушил звонок маминого телефона. Звонил Лев.

Похороны назначили через неделю. Льву Васильевичу никто не решился сообщить страшную новость. Наврали, что маме стало плохо, отвезли в больницу, а телефон она забыла дома. Посещения в больнице запрещены из-за ковидных ограничений, телефон передадим на днях. Успокоили как могли. Боялись нового инсульта. Договорились, что расскажут ему накануне похорон.

На следующий день после смерти Анны Владимировны Лев Васильевич позвонил Наде:

– Здравствуй, Наденька. Есть новости по маме? Мне сегодня приснилось, что Аню завтра выписывают, и она попросила меня приехать и привезти ботинки с широким голенищем, а то ноги что-то отекли. У нас, ты знаешь, с ней телепатия, она только подумает, а я уже и так знаю.

У Нади перехватило дыхание.

– Надя, алло, алло, не слышно тебя!

– Лев Васильевич, я вам через минутку перезвоню, – хрипло прошептала Надя и, бросив трубку, разрыдалась.

Кое-как успокоившись, решила открыть правду сейчас, эта затея с враньем была заранее провальной. Сказать все равно придется. Чему быть, того не миновать.

Позвонила, но ответа не было.

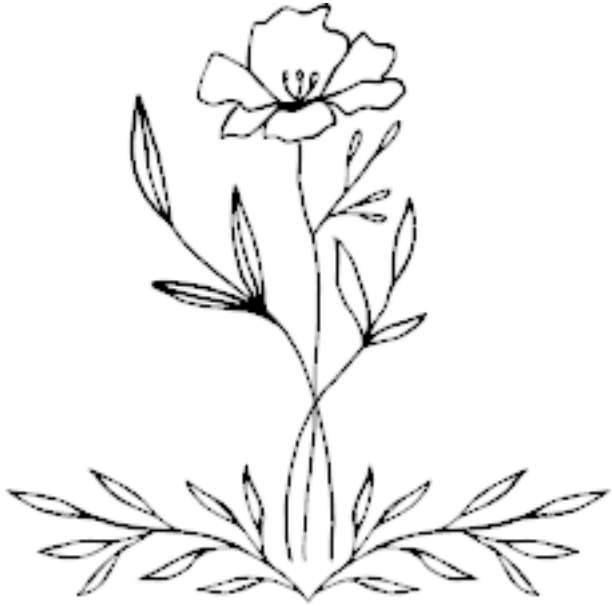
На следующий день Льва Васильевича нашел сын, обеспокоенный тем, что не смог дозвониться. Дедушка лежал на диване, с первого взгляда казалось, будто спит.

В прихожей, упакованные в пакет, стояли приготовленные для Анны Владимировны ботинки с широким голенищем.

– Забрала Аня своего Льва с собой, чтоб не скучал, – шептались старики на похоронах.

Похоронили пару в один день под общим памятником. Ботинки те тоже положили, мало ли…

Мао



Алена выскочила из автобуса и быстрым шагом пошла к магазину, на ходу вытаскивая из сумки связку ключей. Она работала товароведом, совмещая должность кассира в маленьком продуктовом магазинчике, и в ее обязанности входило открывать и закрывать магазин.

У дверей уже ждал охранник, по совместительству дворник, вместе с которым они были трудовым коллективом

магазина, и какой-то помятый дядька, которому явно с утра требовалось опохмелиться. Пока возилась с замком, он нетерпеливо переминался с ноги на ногу, шмыгал носом и тяжело вздыхал, а рядом с ним спокойно и даже с достоинством сидел большой рыжий кот.

Алена метнулась в подсобку, чтобы надеть форменную жилетку, и споткнулась о кота, который незаметно прошмыгнул вместе с ней и теперь невозмутимо разлегся посреди заваленного коробками помещения.

– Посторонним сюда нельзя, – подтолкнула кота ногой в сторону выхода.

И крикнула в торговый зал:

– Мужчина, кота своего заберите!

– А это не мой кот, – возразил мужчина. И добавил: – Мне полторашку светлого.

– Володь, – обратилась Алена к охраннику. – Разберись с котом, а то, не дай бог, Анна Владимировна заедет, за кота нам влетит.

Ей уже мерещился голос Анны Владимировны, хозяйки магазина: «Это ж антисанитария, а у нас тут продукты, вот нассыт вам на мешок сахара, сами потом его и купите!»

Володя подошел к коту, который терся об Аленины ноги, взял за шкирку и вынес на улицу.

Вечером, закрывая магазин, Алена увидела кота. Он сидел чуть в сторонке от крыльца, но, завидев ее, поднялся и, подойдя поближе, снова сел, уставившись огромными желты-

ми глазами. Кот был крупный, полосато-рыжий, с большой лобастой головой и забавными пушистыми усами, торчащими в разные стороны.

– Ты что, так и сидел здесь весь день? – ласково удивилась женщина.

Кот басовито мяукнул и начал тереться о ноги.

– Нет, мой хороший, в доверие даже не втирайся, мне тебя взять некуда.

Порывшись в пакете, достала кольцо «Краковской», купленной к ужину, отломила кусок и положила перед котом.

– На, поешь, а мне на автобус пора.

И побежала на остановку.

Уже дома, вернувшись от матери, вспомнила про кота: что он тоже рыжий, как она и сын. Вернее, каким был сын. Игоря не стало ровно год назад, разбился на мотоцикле, что они с мужем подарили ему на восемнадцатилетие. Алена была против такого подарка, но Игорь бредил мотоциклом, да и муж был не против. Подарили в марте, а в июне их единственный сын погиб.

За этот год Алена прошла долгий путь: от человека, не желающего больше жить, до человека, строящего планы на будущее. Пусть и безрадостные планы на безрадостную жизнь.

Подала на развод, брак не выдержал испытания горем и развалился на части мерзлыми кусками, остались только боль и альбомы с фотографиями счастливой семьи. Договорилась с подругой, переехавшей в Питер год назад, что при-

едет к ней пожить, найдет работу и снимет квартиру, дальше видно будет.

А сегодня, в годовщину, сказала родителям, что уезжает через три недели. Билеты уже куплены, на работе заявление на увольнение написано. Нет никаких сил жить в этой квартире, где он вырос, гулять по тем же улицам, что и он, проходить мимо его школы, встречать его бывших одноклассников и друзей. Невыносимо.

Утром кот так и сидел около крыльца магазина, как будто и не уходил всю ночь.

– Привет, котяра. Зря я тебе, видимо, колбасы вчера дала, будешь теперь здесь отираться.

Кот сделал неуверенный шаг к Алене, но она топнула ногой, и он остался на месте.

Днем кот несколько раз забегал в магазин вместе с покупателями, но Алена с охранником выпроваживали назойливого гостя. Вечером Володя посадил кота в машину и повез в приют для животных по совету кого-то из покупателей.

Алена работала по графику два через два. И первое, что увидела, вернувшись после выходных, – рыжего кота.

Одно ухо у него было в крови, на морде царапины, но все так же невозмутимым сфинксом он сидел около крыльца.

– Володя, ты же обещал его отвезти? – с нескрываемым раздражением спросила Алена.

– Отвез, час в пробке стоял. Они вообще брать не хотели, мест нет. Я уговорил, денег на корм дал.

– И как он вернулся, что-то не пойму? У него навигатор там встроенный, что ли? – удивилась женщина.

– Не знаю, там километров десять точно.

– Ладно, заходи, – кивнула коту. – Перевязать тебя надо.

Кот с достоинством прошел в магазин и улегся около рабочего места Алены. Она принесла аптечку, достала антисептик и склонилась над «пациентом», осматривая повреждения.

– Нормально так тебя потрепали, – протирая царапины смоченным в антисептике бинтом, приговаривала женщина. Кот, зажмурившись, терпел.

Достала из пакета контейнер с тушеной картошкой, которую принесла себе на обед, и пару сырников со сметаной, выложила в одноразовые тарелки и поставила в углу подсобки.

Кот неторопливо подошел, как будто нехотя, обнюхал угощение и приступил к трапезе. Он ел почти час, по итогу оставив тарелки идеально чистыми, как будто в них и не было ничего. Вышел из подсобки, присел у ног Алены и еще час умывался и вылизывался.

– Володя, давай объявление напишем, повесим на входе и на кассе. Может, кто кота заберет. Анны Владимировны сегодня и завтра не будет, уехала она, так что пусть пока кот в магазине побудет.

Кот весь день усиленно терся об Аленины ноги, и ей казалось, что скоро у нее появятся мозоли, а у него – лысина.

– Надо как-то тебя назвать, рыжая морда. Может, подска-

жешь?

– Ма, – пробасил кот.

– Ок, будешь Мао, умный был дядька, да и ты вроде не дурак.

К вечеру кот освоился и перебрался на колени к Алене. Тарахтел, как трактор, подсовывая голову под руки, чтоб гладила.

– Мао, ты клинья-то не подбивай, у нас с тобой ничего не получится. Уезжаю я, а тебя бы пристроить в хорошие руки.

– Так этого кота отдаете? – спросила пожилая женщина, их постоянная покупательница, несколько минут назад вошедшая в магазин.

– Ага, этого. Прибился к магазину.

– А мышей ловить умеет?

– Да кто ж его знает.

– Ну давайте, помогу вам, заберу в деревню к себе. У меня уже есть кот, да и ладно, подружатся.

Алена с Мао на руках вышла на улицу, подождала, пока женщина усядется в кабину небольшого грузовичка, за рулем которого сидел мужчина с пышными усами.

– Смотри, Мао, у дяденьки усы, почти как у тебя. Это хороший знак, – и передала кота женщине.

Потом дни полетели один за другим, до отъезда оставалось совсем немного времени, а список дел все еще был внушительным. В последний рабочий день Алена шла на работу с легкой грустью. Столько лет здесь проработала, многие по-

купатели стали почти как родные, все было так удобно и привычно, даже каждую щербинку тротуарной плитки от остановки до магазина знала наизусть.

Еще издалека увидела какой-то серый комок у крыльца. То ли камень, то ли пакет, хорошим зрением Алена не отличалась.

Уже подойдя ближе, вздрогнула, поняв, что это не пакет.

Это был Мао – серый от пыли, худой, он лежал около крыльца, но, завидя ее, пошатываясь, поднялся.

– Ты как здесь оказался? Тебя же в деревню увезли?

Открыв дверь, впустила кота в магазин.

Через несколько минут зашел Володя и обалдело уставился на Мао.

– Он не мог дойти, там шестьдесят километров. Или, может, они его не забрали?

Мао накормили, и он уснул. А когда проснулся, то ходил как привязанный к Алене, ни на сантиметр не отдаляясь от ее ног.

– Ален, это твой кот. Он же не в магазин приходит, а к тебе, – задумчиво сказал Володя.

Вечером, закрыв магазин, Алена взяла кота и отправилась домой. За день он выспался, умылся и вновь стал рыжим и похожим на себя, хоть и изрядно отощавшим.

Пока ехала, смотрела в темноту за окном автобуса и раздумывала, что же ей теперь делать с этим рыжим хвостом. Родителям оставить? Ну не тащить же его в Питер, смешно,

ей-богу.

Со стороны они выглядели колоритно: женщина с ярко-рыжими волосами, которые она специально подкрашивала хной для насыщенности цвета, и большой рыжий кот на коленях.

Зайдя в квартиру, Алена включила свет и отпустила кота на пол. Пока разувалась, он куда-то убежал.

– Мао, ты куда подевался? – заглядывая под диван и кресла, удивлялась Алена. Увидев приоткрытую дверь в комнату сына, вошла, включила свет. Кот сидел на диване и пристально смотрел на нее желтыми глазами.

– Мао, ты уже себе комнату выбрал?

– Ма, – не сводя с Алены желтых глаз, ответил тот.

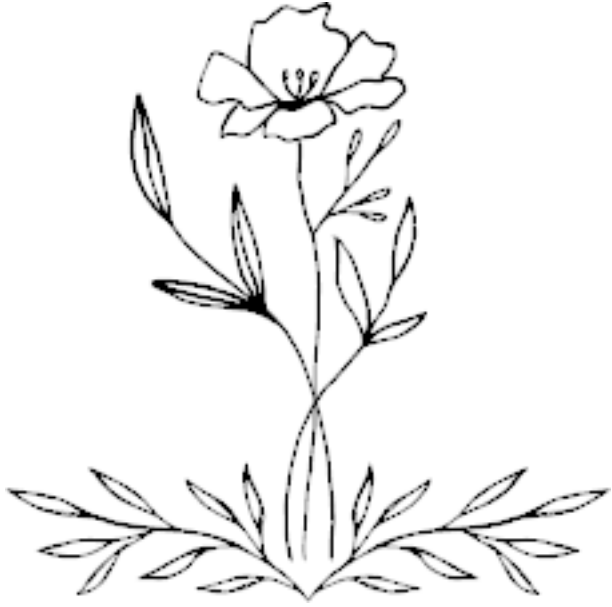
Назавтра днем позвонил Володя и рассказал, что в магазин приходила женщина, забравшая тогда Мао. Он у них переночевал, а на следующий день пропал. Получается, неделю шел до города. Как знал, куда идти, непонятно.

* * *

В кресле самолета, у окна, сидела рыжеволосая женщина, на руках у нее была переноска с большим рыжим котом.

Весь полет, два часа, женщина что-то рассказывала коту, и со стороны казалось, что они спокойно беседуют: она спрашивает, он отвечает.

Мусорный дозор



Олег медленно шел по заросшей тропинке вдоль дома, всматриваясь в траву, хотя Джоли изо всех своих хлипких сил тянула его вперед, натягивая поводок. Олег искал бутылки.

По опыту он уже знал: если на земле лежит стеклянная бутылка, то не пройдет и нескольких часов, как она превратится в кучу осколков, о которые обязательно изрежет лапы

той-терьер Джоли. Только вот зажил последний порез на его вечно трясущейся недособаке.

В этот район он переехал пару недель назад и все еще не мог привыкнуть к белью, висевшему на веревках посреди двора, детской площадке, заполненной шумными подростками, оставляющими после себя бычки и пустые бутылки, лавочкам с бабульками, что смотрят на тебя пронизывающим взглядом следователя НКВД.

Вокруг четырех старых пятиэтажек взметались ввысь многоэтажные новостройки, сжимались в кольцо многоуровневые развязки, а обитатели двора как будто и не знали, что мир сейчас другой. Что где-то сортируют мусор, убирают за своими собаками и не орут под гитару по ночам.

Эта квартира в старой пятиэтажке досталась ему от бабушки, ушедшей много лет назад. Здесь жили родственники. Недавно они съехали, и он решил продать наследство. Но жизнь распорядилась иначе: Олегу срочно понадобилось жилье.

Две недели назад он в очередной раз поругался с женой, с который прожил девять лет. Бытовая ссора неожиданно переросла в перепалку, где каждый, не жалея другого, безжалостно резал и хлестал словами. Последнее время они с Катюхой часто ругались. Причин было множество, и все, по мнению Олега, не стоили и выеденного яйца: то не позвонил он ей ни разу за весь день, то забыл картошку купить, то дверцу шкафа не закрыл. Эта дверца шкафа стала камнем

преткновения и поводом для бесконечных скандалов. Возьми да закрой сама, делов-то, но нет, будет ходить и зудеть.

Говорит, давай к семейному психологу вместе запишемся, а Олегу казалось, что это блажь какая-то, знает он этих психологов – шарлатаны все.

В этот раз эта несчастная дверца шкафа открыла портал в ту темноту, куда они еще не заходили. Припомнили друг другу все, дошли даже до того поцелуя в коридоре студенческой общаги, свидетелем которого стала жена, еще не будучи женой. Даже и невестой еще не была, да что невестой, девушкой его еще не была, так, поцеловались разок. А потом поцеловался с другой, ну чтоб уж наверняка понять, какая больше нравится.

Но женился-то на ней, на Катерине своей. И не изменял, и любил. И любит…

– Если тебя все время как будто нет, я и так все сама решаю, сама о себе забочусь, то зачем мне вообще такой муж? – с перекошенным лицом орала Катерина.

– Да и правда, зачем?

Покидал носки, трусы в пакет, забрал Джоли и ушел.

Думал снять квартиру в нормальном районе, но пока ни сил, ни желания на поиски нового жилья не было. Искать не хотелось еще и потому, что ему нравилось здесь.

Нравилось рассматривать старые бабушкины альбомы с фотографиями маленькой улыбчивой девочки – его мамы. Нравилось курить на балконе и смотреть, как соседка тря-

сет белье и развешивает на веревках, прижимая его потемневшими от времени деревянными прищепками. Такими же, какие у его бабушки, когда он был совсем мелким пацаном.

Нравилось наблюдать, как ходят по двору стаи наглых голубей, которые, если зазеваться, могут выхватить из рук что-то съестное. Особенно их привлекали дети с вечными булками и печеньками в руках. Птицы применяли даже тактические ходы, отвлекая обладателя булки, а потом вероломно выхватывали ее из детских рук. Нравилось смотреть, как режется в домино компания дедков, азартно перекрикивающих друг друга и прячущих под столом полторашку пива от всевидящих женских глаз, которые все равно замечали и изымали.

– Себя не бережешь, пенсию побереги! И так на твою поджелудочную бешеные деньги уходят! А эти и рады спаивать, ууууу, алкаши! – попадали под горячую руку товарищи пойманного дедули.

Все это на фоне цветущих кустов, деревьев, клумб с лебедями из шин и палисадниками за белым заборчиком. Словно попал в старое кино.

Однако в с виду мирном дворе шла непрекращающаяся война, невидимая глазу граница разделяла двор на две враждующие стороны. Четыре дома – две мусорные площадки, вроде бы все логично и удобно. Но мусорные баки стояли так, что жителям одного из домов было проще бросать мусор в баки соседей, удобно расположенные по пути на остановку.

– Это наш мусорный бак, и мы за него платим! – с таким девизом активисты дома в лице нескольких боевых старушек защищали свою собственность. Штаб бабушкового дозора был организован на ближайшей к мусорным бакам лавочке. Любые посягательства непреписанных к этой мусорке граждан предупреждались еще на подходе к охраняемому объекту.

Олег был не в курсе мусорного конфликта.

Он брал на прогулку с собакой мешок для мусора и собирал в него валяющиеся на земле осколки стекла и бутылки. А по пути домой выбрасывал его в ближайший мусорный бак.

Сегодня, запустив зазвеневший бутылками мешок в мусорку, услышал сердитый окрик.

– В свою мусорку бутылки свои несите! Алкаши эти совсем обнаглели!

– Это вы мне? – Олег удивленно повернулся на голос и увидел компанию бабушек на лавочке. Все в кофтах и беретах, несмотря на летнюю жару.

– Ну а кому? Вы же из двадцатого дома? – хором спросили береты.

– Да.

– Ну так и выбрасывайте свой мусор в свои баки! Вон там они, – раздраженно указала палочкой самая бойкая бабушка, видимо, идейный вдохновитель мусорного дозора.

– Так я этот мусор за вашим домом собрал. Может, мне его вообще к себе домой отнести? – начал заводиться Олег.

Джоли затряслась, спряталась за Олегову ногу и истерично залаяла, решив внести свои доводы в спор.

– Собрал он, ага. В магазине собрал и в себя залил пойло это. А собака должна гулять в намордник, дети кругом, а если покусает? Вон она какая злобная.

Олег, поняв, что толку от дискуссии не будет, взял Джоли на руки и, молча развернувшись, пошел домой.

Через несколько дней, опять собрав за домом несколько бутылок, он демонстративно, на глазах у мусорных беретов, выбросил их в бак.

– Мужчина, вы по-русски понимаете? У вашего дома есть свои баки, в них свои бутылки выбрасывайте! – взвилась старушка, которую Олег про себя называл главарем мусорного дозора.

– Это ваши бутылки, я собрал их за вашим домом и выбрасываю в ваш бак.

– Не, ты посмотри, Люба, наши бутылки! Может, мы их с тобой выпили, да не заметили? – распалялась бабушка, потрясая палочкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.